

Французское нашествіе 1812 года въ письмахъ современниковъ.

Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго.

Въ сохранившейся послѣ Н. О. Кутлубицкаго (бывшаго генераль-адъютантомъ императора Павла) перепискѣ, въ с. Костянкѣ, Арзамаскаго уѣзда, гдѣ онъ прожилъ все царствованіе Александра I-го, имѣются письма современниковъ о 1812-мъ годѣ. Не заключая въ себѣ ничего новаго, эти письма живо рисуютъ настроеніе Русскаго общества того времени по отношенію къ нашествію „нечестивыхъ“, и къ Наполеону, „злодѣю рода человѣческаго“, какъ тогда выражались. И. Б.

I.

Къ письму изъ Нижняго отъ нѣкоего Степана Зарембы приложено слѣдующее извѣщеніе о Бородинскомъ боѣ.

Сего числа получено изъ арміи самое достовѣрное извѣстіе о двухъ сраженіяхъ, 24 и 26 числа сего мѣсяца происшедшихъ. 24-го непріятель со всѣми своими силами остановилъ армію нашу, при селеніи Бородинѣ расположенную, но былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ съ величайшимъ урономъ, потерявъ 5 пушекъ и множество людей, намъ въ плѣнъ доставшихся.

25 числа военныхъ дѣйствій не было.

26-го въ 5 часовъ непріятель вторично покусился атаковать насъ; сраженіе было самое кровопролитное и вскорѣ сдѣлалось генеральнымъ. Пушечная пальба продолжалась непрерывно 15 часовъ. Въ сей день также непріятель былъ опрокинутъ и разбитъ совершенно вездѣ, гдѣ только тщетныя его усилія наиболѣе упорствовали противъ храбрыхъ войскъ нашихъ.

Потеря наша людьми какъ убитыми, такъ и ранеными немало-важна, но никакъ не можетъ сравниться съ непріятельской, которая несчетна.

Непріятель принужденъ былъ отступить и занять прежнюю свою позицію. Мы взяли 12 пушекъ и нѣсколько генераловъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны лишились генер.-майора Тучкова 2-го, убитаго на полѣ сраженія; ранены генераль князь Багратіонъ, генер.-лейт. Тучковъ 1-й, Горчаковъ, генераль-майоры графъ Кутайсовъ, графъ Воронцовъ и Бахметевъ; генер.-лейт. графъ Остерманъ-Толстой и Сень-При получили контузіи.

Полагають, что непріятель отступить по дорогѣ къ Смоленску. Сраженіе при селеніи Бородинѣ конечно ознаменуетъ въ лѣтописяхъ нашихъ безпримѣрную неустрашимость и храбрость Русскихъ воиновъ, вѣще одолеваящихъ для защиты вѣры, Государя и отечества.

Подписаль: генераль-губернаторъ Принцъ Георгій Голстинскій.

27 Августа 12 г. г. Ярославль.

На этомъ сообщеніи приписано Зарембой:

Съ третьимъ курьеромъ.

По отправленіи послѣдняго курьера взять въ плѣнъ король Неаполитанскій, маршалъ Даву убитъ на мѣстѣ, и взято въ плѣнъ 5 генераловъ, побито со стороны Французовъ около 45 тысячъ; съ нашей стороны урону убитыми около 15 тыс. Князь Багратіонъ раненъ пулею. Генераль-лейтенантъ Коновницинъ и Ливронъ, полковникъ Гудовичъ ранены-же. Извѣстіе привезъ Василій Ивановичъ Чертковъ.

Во время сраженія, изъ котораго пріѣхали въ Можайскъ: князь Багратіонъ раненъ пулей въ берцо, которая осталась въ ногѣ, и онъ не согласился дать ее вырѣзывать; говорятъ, что и послѣ того все еще командовалъ! Ранены кн. Горчаковъ, гр. Воронцовъ, Тучковъ 2-й, Сень-При, Ермоловъ, Пашкевичъ, Коновницинъ. Мѣшковъ еще оставилъ самое жестокое сраженіе, онъ вчера въ 6 часовъ поутру съ Ознобишинымъ пріѣхалъ, и Нарышкинъ тоже раненъ пулей въ лобъ 24 числа, но очень легко.

Степанъ Заремба. Нижній-Новгородъ.

II.

Тотъ-же Заремба 12 Октября сообщаетъ изъ Нижняго. Новостей не имѣетъ кромѣ что разбили Французовъ 6 Октября. Изъ 50 тысячъ взяли въ плѣнъ 2000, на мѣстѣ положили 2500, пушекъ 36, одно знамя и гнали ихъ легкоконные полки за Вороново 25 верстъ. На другой день, говорятъ, Бонапартъ вышелъ изъ Москвы и направленіе имѣетъ назадъ! А тамъ навѣрное его наша армія встрѣтитъ и попотчи-ваетъ. Видно, и ему пришелъ мать!...

PS. 80 тысячъ здѣсь будетъ, кн. Лобановъ-Ростовскій формировать, и теперь такая нужда въ квартирахъ, что и сказать нельзя! Есть селенія подъ Нижнемъ, гдѣ у каждаго мужика по 27 человекъ стоятъ, чтобы не разбивать батальоновъ; а у самаго меня гостей, гостей. Не знаю, какъ и съ шею спустить.....

III.

Въ Сентябрѣ пишетъ нѣкій г. Станкевичъ изъ Арзамаса: „Нечестивые все еще въ Москвѣ! Пропасть пережжено, о чемъ въ точности вамъ доложить А. И. У нея человекъ только что пришелъ изъ Москвы. Однако коммуникація у нечестиваго вся прекращена, ему будетъ худо; говорятъ, и вся нація ихъ отказалась давать ему сигурсь.....

Мы ждемъ обратно посланнаго въ Москву; тогда рѣшимъ, куда отправляться. Домъ нашъ въ Москвѣ сгорѣлъ до основанія, и ничего не спасли; но за то Богомъ сохранена подмосковная, тамъ ничего не тронута. О дѣтяхъ извѣстить не имѣю, но надѣюсь, что посланный дастъ рѣшительное извѣстіе, чтѣ Господь имъ опредѣлилъ!... Воинскія дѣйствія идутъ хорошо: вездѣ бьютъ нечестивыхъ, а морозъ ихъ какъ червей побиваетъ. Иныхъ находили безъ всякихъ ранъ здоровыхъ стоящихъ и лежащихъ замерзлыми; можете-же себѣ представить, каково имъ! Говорятъ, что Чичаговъ взялъ большую контрибуцію съ герцогства Варшавскаго, и приказано ему взорвать Прагу.

Говорятъ также, что 60 тысячъ войска шедшаго на помощь къ Бонапарту положили оружіе и что онъ шибко побить.

Для конвоирования плѣнныхъ везуть на почтовыхъ ополченскіе полки. Богъ умилосердился надъ нами!

Купцамъ, говорятъ, Государь даетъ 170 миліоновъ на поправку состоянія (!), а про дворянъ не знаю; сказываютъ, что еще двухъ рекрутъ со 100 будутъ брать: это наша участь!...

Къ Лобанову-Ростовскому присланъ курьеръ, спрашивать мнѣнія на счетъ войска, которое здѣсь формируютъ, когда удобнѣе перевести его въ Орловскую губернію, сейчасъ или весною? Лобановъ отвѣтилъ, что сейчасъ удобнѣе, пока его только 11 тысячъ, чѣмъ когда всѣ соберутся, да Воронежской и Тамбовской губ. туда легче поставить...

IV.

Изъ Пензы пишутъ:

„Если-бъ не нынѣшнія тяжелыя обстоятельства, то вѣрно у насъ было бы здѣсь весело: такъ много пріѣзжихъ изъ Москвы и Смоленска, и какіе все знатные люди! Ахъ проклятый Бонапартъ, какую онъ

неожиданную перемену произвелъ въ Россіи! Но, слава Богу, теперь слухи идутъ хорошіе и особливо великій герой и потомокъ Сухарева¹⁾ графъ Витгенштейнъ себя прославляетъ и вѣрно чорта Бонапартія доканааетъ!“

19 Ноября:

„Дошли пріятные слухи, что общій всему свѣту врагъ уже отправился воевать на тотъ свѣтъ; но и тамъ, считаю, что сами черти съ нимъ нескоро сладятъ, а прочая сволочь нечестивая превратится въ пыль по Россіи. Нашъ губернаторъ сейчасъ сообщилъ, что корпусъ не упомяну какого маршала разбитъ совершенно, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ, какъ и нашъ генералъ Винценгероде. А Бонапартій съ остальнымъ войскомъ загнать въ лѣсъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ и претерпѣваетъ такой недостатокъ, что солдаты ѣдятъ человѣческое мясо (такъ лучше избавиться отъ заразы!), а по общему слуху, Бонапартъ самъ себя *отравилъ ядомъ*, который былъ у него *въ солитеръ*. Итакъ честь и слава Россійскому народу, слава золотому герою Витгенштейну и Кутузову...“.

V.

Извѣстный государственнй дѣятель Н. С. Мордвиновъ²⁾ (графъ) пишетъ въ Ноябрь изъ Пензы:

„Сгорѣли наши дворцы Московскіе, и не знаемъ, куда теперь дѣваться; обращаемъ взоры вокругъ Пензы, но вездѣ, сказываютъ, тѣсно. Намѣревались ѣхать въ Крымъ, но тамъ новая бѣда: на всемъ почти полуостровѣ открылась чума и въ самыхъ селеніяхъ мнѣ принадлежащихъ. При сей поражающей насъ судьбѣ, слава Богу, что верховный сатана бѣжить съ земли нашей. Желалъ-бы я слышать также, что всѣ злые духи бѣгутъ по всѣмъ дорогамъ изъ городовъ нашихъ: исчадія адскія—Французское ученіе, Французскія прихоти, наряды, одежды, Французскія книги, театры, газеты, Французскій языкъ и порожденныя онымъ привычки и мысли. Благословенное время для добраго начала! Упустятъ минуту, и останемся мы навѣки въ порабощеніи гнуснѣйшемъ и пагубнѣйшемъ, нежели были въ опасеніи отъ меча и огня ихъ. Дай Боже, чтобъ духовный пламень очистилъ и умы, и сердца наши. Кто поразилъ врага усерднѣе въ настоящія времена? Тѣ, кои не читали Французскія книги и очарованіями ихъ не смущали слуха своего. Но боюсь, что иго тяжело на насъ лежитъ и цѣпи крѣпки, кои добровольно мы наложили на себя“....

1) ? П. Б.

2) Переписка его съ Н. О. Кутлубицкимъ опубликована частію П. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г.

Н. О. Кутлубицкій отвѣчалъ Мордвинову: „О дворцахъ Московскихъ говорить теперь нечего, всѣ погорѣли, а вообще во всей Москвѣ съ лачужками уцѣлѣло около 2000 домовъ. По выходѣ нечестивыхъ въ Москвѣ успѣли оправить до 400 домовъ, и боюсь, что пустятся туда жить, а весною и тамъ можетъ быть чума, ибо всѣ погреба, колодцы и даже рѣка загроужены тѣлами. Вчера получилъ изъ Нижняго вѣрное извѣстіе, что съ 7 Окт. по 7 Ноября, съ выхода нечестивыхъ изъ Москвы, ихъ побито и поколѣло отъ мороза до 100 тысячъ человѣкъ; 6 числа, говорятъ, убитъ Вестфальскій король, а Неаполитанскій взятъ въ плѣнъ и 1 маршалъ, 4 генерала, а самъ атаманъ нечестивыхъ безъ вѣсти пропалъ; полагаютъ, или убитъ или скрылся. Сохрани Богъ бѣдную Русь отъ вторичнаго демонскаго нашествія, а если его не поймаютъ, то онъ опять свою сволочь обманетъ и еще 500 тыс. соберетъ и къ намъ пожалуетъ докончить свое покровительство!...“.

Къ этому письму отъ 22 Ноября 1812 г. Кутлубицкій между прочимъ прилагаетъ *особую записочку*, въ которой сообщаетъ Мордвинову секретъ:

„М. М. С. увезли изъ Нижняго въ Пермь и тамъ, говорятъ, оказали ему отцовское милосердіе: лишили всего и въ каторжную работу. Это разсказалъ тотъ частный офицеръ, который былъ откомандированъ его въ Пермь доставить“....

Это былъ слухъ о М. М. Сперанскомъ... Изъ письма Мордвинова, помѣщеннаго уже въ „Русской Старинѣ“ 1898 г. (отъ 2 Дек. 12 г. изъ Пензы) извѣстенъ отвѣтъ его Кутлубицкому:

„По приложенной отъ васъ *записочкѣ* извѣстіе не можетъ быть вѣрнымъ: таковыя вѣсти разносятъ Французскіе духи... Избави насъ Боже отъ событія таковыхъ приключеній! Горше было бы Московскаго пожара: тогда не было бы ни вамъ въ Костянкѣ, ни мнѣ въ Пензѣ безопасности! И васъ, и меня и всякаго могли бы безъ суда и расправы сослать въ каторжную работу. Не вѣрьте разсказчикамъ, коихъ научаютъ въ Москвѣ, гдѣ изрубили подсудимаго (Верещагина) до рѣшенія судей. Винавнаго должно судить и по приговорѣ казнить“....

VI.

Въ Декабрѣ Н. С. Мордвиновъ писалъ изъ Пензы Кутлубицкому:

„Московскіе и Смоленскіе разоренные наполнили всѣ дома и заняли даже всѣ хижины, но здѣсь и лучшіе дома построены съ однимъ поломъ и несносно холодны. Но уѣхать нельзя: проѣздъ теперь опасенъ; по многимъ деревнямъ открылись заразительныя горячки отъ проходящихъ плѣнныхъ“....

VII.

Изъ писемъ Дм. Полочанинова въ Ноябрь 1812 г.

„О да будетъ милость Божія на насъ, и да не прогнѣвается до конца за излишнюю нашу приверженность къ учителямъ развращенія!...

Отъ Московскихъ слышно, что по немногу городу начинаетъ быть легче, но все еще тяжело, ибо по сию пору двухъ добрыхъ комнатъ отыскать нельзя...

По партикулярнымъ-же изъ Петербурга свѣдѣніямъ ко многимъ слышно, что Наполеонъ изъ Вильны выгнанъ. Осталось у него не болѣе 17 тыс. и до 40 пушекъ. Многіе плѣнные утверждаютъ бѣдственное его положеніе; ибо онъ нѣсколько маршей дѣлалъ пѣшкомъ съ солдатами, ѣлъ съ ними ихъ пищу явно, а тайно—свой завтракъ. Онъ изъ генераловъ и приверженныхъ ему офицеровъ (всѣ Почетнаго Легиона) составилъ роту, поклявшуюся раздѣлить съ нимъ не только бѣдствія, но и самую смерть, такъ что офицеры составляютъ рядовыхъ, генералы—офицеровъ, а самъ разжаловалъ себя въ капитаны. Авось дождемся, что опять увидимъ его порутчикомъ. Но сія малая гвардія по увѣренію плѣнныхъ служить ему неусыпно бѣдствующимъ карауломъ, дабы онъ ихъ не оставилъ или не бѣжалъ бы, ибо многіе требовали отъ него за сію компанію отчета.

Шварценбергъ изрубленъ, а корпусъ его разбитъ безъ поправки Сакеномъ и 3-мъ Эссеномъ.

Макдональдъ былъ уже на два марша отъ соединенія съ Наполеономъ, но Витгенштейнъ его такъ отрѣзалъ, что заставилъ идти на Тильзитъ, а письмо его къ Бертье перехвачено“.

VIII.

А. Казариновъ пишетъ изъ Нижняго 29 Ноября: ...„Время нынѣ славное быть Русскимъ литераторомъ, и авось нашъ языкъ сдѣлается отнынѣ *дипломатическимъ!* Спасибо Англичанамъ, раскрываютъ живонацію вражескую... Чтѣ они пишутъ въ „Сѣверной Почтѣ“, то достойно золотыми буквами написать на стѣнахъ въ домахъ, чтобы и намъ такъ поступать и не забывать... Завтра идемъ къ молебну о побѣдѣ... Отливаются волку миролюбивыя овечьи слезки... Побѣда надъ Французами, миръ съ Англичанами, истребленіе враговъ подають несомнѣнную надежду имѣть въ Россіи все наилучшее и дешевое, Аглицкое. Щеголихи ѣдутъ въ великій постъ и сюда, а въ Питерѣ, слышно и, нынѣ сукна по прежней цѣнѣ. Не удивляйтесь, что здѣсь дорого: Мо-

сква сгорѣла, и сюда товаровъ взять неоткуда. Все торговое въ большой разстройкѣ. Одинъ знакомый въ Питерѣ обратилъ имѣніе въ серебряныя деньги, горюя пишетъ сюда, что тамъ шибко лажь упадетъ, и онъ оттого на 400 тысячъ весьма много теряетъ.

Нижній былъ набить Московцами; виноградъ и прочіе фрукты какъ метлой подмели, былъ въ возахъ виноградъ 25 коп. фунтъ, по 4 и 5 р. боченокъ, потомъ уже 8—15, а теперь загнилъ, а ужъ 20 рублей! Арбузы были 40 к.—15 к. и 5 к. а потомъ уже даромъ бросали“...

IX.

Братъ А. С. Кутлубицкой Н. С. Ваксель пишетъ 19 Ноября изъ Пензы:

„Вы спрашиваете, любезный братецъ, когда я уѣхалъ изъ Москвы и какой дорогой пріѣхалъ въ Пензу? Выѣхалъ я 30-го Августа на Коломну, Зарайскъ, Рязань, Спаскъ Тамбовскій и черезъ Ломовъ въ Пензу; это самая ближняя дорога и самая проѣзжая, но отъ Рязани до Пензы не почтовая. Въ Пензу прибыли 12 числа Сентября. А сестра уѣхала изъ Москвы, говорятъ, на Коломну; но когда я черезъ нее проѣзжалъ, ея уже тамъ не было и куда поѣхала, не могъ узнать. Теперь узналъ, что видѣли ихъ въ Козловѣ; значить, они подвигаются къ Калугѣ, гдѣ ея дочь Катя замужемъ за помѣщикомъ Паншинымъ. Злодѣи тамъ не были, и имѣніе ихъ вѣроятно въ цѣлости... Имѣніе-же сестры въ Смоленской губерніи, также какъ и мое тамъ-же, сожжено и разгромлено... Въ Пензѣ никого не знаю и думаю подвинуться къ Тулѣ, къ Калугѣ или Рязани поближе къ роднымъ; да мнѣ, какъ опекуну дворянской опеки, необходимо быть поближе къ своей губерніи по должности... Найму гдѣ нибудь изъ этихъ городовъ квартиру и буду жить кое-какъ, ибо теперь у меня нѣтъ уже домишка собственнаго, даже стула не осталось въ Москвѣ; то же и у супруги дяди Марка Абрамовича и всѣхъ родныхъ всѣ дома сожжены и все въ нихъ бывшее сожжено, а въ Смоленской губерніи и домъ и церковь разграблены и сожжены, равно и деревни всѣ! Когда гдѣ окончательно расположусь, васъ увѣдомлю, а пока пишете въ Пензу. Я благодарю Бога, что еще счастливыѣ другихъ, что, лишившись раззореніемъ главныхъ моихъ деревень, имѣю еще въ цѣлости въ Саратовской губерніи деревню оброчную, да у жены осталась деревня Тульская“...

X.

М. Брянцева 1 Декабря изъ Калужской губерніи пишетъ:

„Горестныя обстоятельства лишили меня средствъ писать вамъ... Вотъ уже 4 мѣсяца я съ дочерью и сыномъ странствую по свѣту и

болѣе двухъ мѣсяцевъ была въ дорогѣ, безъ цѣли, безъ предпріятія, ежеминутно спасаясь отъ злодѣя... Къ тому-же еще была оставлена въ дорогѣ людьми своими, и безъ нихъ проѣзжала съ дѣтми 800 верстѣ! Къ счастью моему Провидѣніе послало мнѣ благодѣтелей случайныхъ, которые и вели насъ, но за всѣмъ тѣмъ мы столько претерпѣли горестей, что невозможно исчислить. Судьба завела насъ въ Калугу, и Богъ послалъ намъ здѣсь генеральшу Марію Сергѣевну Карову, живущую недалеко отъ Калуги; она взяла насъ къ себѣ, и вотъ двѣ недѣли мы въ ея домѣ отдыхаемъ, но не знаю, чтѣ буду дѣлать дальше, рѣшительно всего лишившись какъ въ Смоленскѣ, такъ и въ деревнѣ нашей.

Дочь моя съ своей матушкой поѣхала съ Польскими помѣщиками Голынскими изъ Смоленска, и съ тѣхъ поръ я совершенно не знаю, гдѣ она. Многіе оттуда поѣхали въ Нижній, не у васъ-ли нашла она себѣ покровительство? Если надежда эта не обманываетъ меня, ради Бога одушевите несчастную мать своимъ увѣдомленіемъ; я каждую минуту трепещу за ея участь и не знаю болѣе, къ кому обратиться!...

Село Сергіевское-Горяиново, 30 верстѣ отъ Калуги“.

XI.

Сестра Н. О. Кутлубицкаго Марія Горленко писала изъ Ливенъ:

„...Разскажу вамъ все подробно, чтѣ со мной случилось въ дорогѣ, какъ я уѣхала изъ вашей Костянки... Я доѣхала благополучно до Муромъ и здѣсь увидала безчисленное множество каретъ, ѣдущихъ изъ Москвы, но я съ твердостью рѣшила продолжать путь мой. Не доѣзжая до Владимира, повстрѣчалась съ камергеромъ Мусинъ-Пушкинымъ, который ѣхалъ всѣмъ семействомъ изъ Петербурга въ Казань. Они очень меня обласкали и спрашивали, куда ѣду. Я отвѣчала, что въ Малороссію, и они всѣ удивились, что я рѣшилась ѣхать на Москву, потому что тамъ ужасъ чтѣ теперь происходитъ. Они мнѣ многое разсказали чтѣ дѣлается въ Москвѣ и даже въ Петербургѣ, чего я и не посмѣю, зная васъ, вамъ описывать... Въ концѣ концовъ жена Мусина-Пушкина подарила мнѣ на дорогу персиковъ, и мы разѣхались въ разныя стороны...

Во Владимирѣ я увидала страхъ и ужасъ, изображенныя на всѣхъ лицахъ. Два дня я тамъ поневолѣ оставалась, и въ эти дни проѣхало болѣе тысячи, каретъ, колясокъ и повозокъ. Самые знатнѣйшіе господа ѣдутъ и бѣгутъ изъ Москвы, сами не зная, куда и зачѣмъ. Купцы всѣ свои товары увозятъ въ Тамбовъ и въ Казань. Московскій Институтъ при мнѣ провезли на Казань, почему и нельзя было достать лошадей. Изъ Москвы платили до Владимира за пару лошадей 800 р.,

купцы за товары отъ Москвы до Казани по 6 и по 10 р. съ пуда... Въ Москвѣ, говорятъ, не даютъ болѣе никому подорожной, и я разсудила, что когда прїѣду въ Москву, то послѣднія свои деньги издержу, а тамъ что-же запросятъ съ меня извозчики? Рѣшилась поэтому нанять здѣсь во Владимирѣ 6 лошадей за 900 рублей. Дешевле найти не было возможно, да еще съ тѣмъ условіемъ, что плачѹ въ дорогѣ только 200 рублей, а остальные 700 дома.... Вотъ какія критическія обстоятельства для всѣхъ пришли, и мнѣ на хорошее трудно было разсчитывать. Вотъ до чего мы дожили, любезный братецъ! Но надо ко всему себя готовить, и чтѣ Богу угодно, то пусть и будетъ съ нами.... Говорятъ, что непріятель нашъ вездѣ гдѣ проходитъ, обѣщаетъ крестьянамъ свободу. Ваша покорная и послушная сестра Марія Горленкова.
Г. Ливны, 4 Сентября 12 года“.

ХІІ.

Прошли 1812-й и 1813-й годы. Поздравляя Н. О. Кутлубицкаго съ наступленіемъ 1814-года, Н. С. Мордвиновъ пишетъ:

„...Мы должны благодарить Бога, премилосерднаго Нашего Творца, за прошедшій годъ, въ коемъ явилось спасеніе наше, а нынѣшній причислить къ столѣтію, въ которое Французы уже не наступятъ на насъ съ огнемъ и мечемъ. Вѣроятно, что и мы и чада наши на столѣтъ искупились отъ сихъ изверговъ вооруженныхъ. Но не знаю еще, до какой степени останемся свободными отъ прельщенія ядовитыхъ ихъ языковъ. Сіе только впредь познаемъ.... Мы все еще въ селѣ *Столыпинъ* *) проживаемъ и къ веснѣ намѣреваемся ѣхать въ Москву и на Сѣверъ взглянуть, чтѣ тамъ дѣлается, если Наполеонова участь совершится, и конецъ всѣмъ бѣдамъ послѣдуетъ“....

Въ заключеніе сообщаемъ письмо Кутлубицкаго къ графу Аракчееву, какъ тотъ-же отголосокъ Отечественной войны, написанное имъ 26 Апрѣля 1816 года.

„Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ!

*) Мордвиновъ писалъ Кутлубицкому еще въ Маѣ 1813 года: „По существующимъ карантинамъ въ полуденной части Россіи долженъ я отложить поѣзду въ Крымъ, а дабы не истлѣвать въ тяжкомъ городскомъ воздухѣ, старался я отыскать праздный деревенскій домъ и получилъ дозволеніе отъ *Аркадія Алексѣевича Столыпина* занять его, находящійся въ 60 верстахъ отъ Саранска, и на сихъ дняхъ въ оный переезжаемъ. Мы очень будемъ счастливы, если насъ тамъ посѣтите; деревня называемая „Столыпино“ всѣмъ извѣстна, и домъ, сказываютъ, довольно великъ; а если и будетъ тѣсно, то надѣюсь, что и не примѣтите по той дружбѣ, которую во мнѣ питаете“....

Пользуясь всегда и во всякое время вашимъ благосклоннымъ расположеніемъ, осмѣливаюсь васъ утруждать, какъ главнаго покровителя всѣхъ изувѣченныхъ въ нынѣшнюю Отечественную войну, моею всепокорнѣйшей просьбой: подарить меня стараго вашего подкомандующаго*) нѣсколькими минутами для прочтенія моего приношенія... Живя въ деревнѣ и занимаясь воспитаніемъ Богомъ данныхъ дѣтей, а равно и деревенской экономіей, получилъ я по сей почтѣ вѣдомости, въ коихъ напечатанъ поднесенный отъ вашего сіятельства Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ объ изысканныхъ источникахъ къ составленію капитала для пособія изувѣченныхъ въ Отечественную войну. Въ немъ предоставлены права быть соучастниками въ пособіи только тѣмъ, которые впредъ имѣютъ счастье получать монаршія милости. Если вы милостиво примете мое мнѣніе, то не должны быть лишены въ участіи сего отечественнаго пособія и тѣ, кто уже имѣли счастье нѣсколько разъ получать монаршую милость: ибо кѣмъ-же защищены были наши жены, дѣти и села и все имущество, какъ не тѣми, кто, будучи изувѣчены, не въ силахъ нынѣ продолжать службу военную и должны пользоваться пособіемъ?.. А посему осмѣливаюсь представить вашему сіятельству изъ числа излитыхъ на меня великихъ щедротъ и милостей въ Божѣ почивающаго Государя Императора Павла Перваго, отца и благодѣтеля моего, какъ въ деревняхъ, такъ и въ алмазныхъ перстняхъ состоящихъ, приказать принять прилагаемые при семъ 1000 рублей и причислить ихъ къ суммѣ вспомоствованія изувѣченными. Приношеніе мое хотя не болѣе единой капли въ морѣ, но причисленіе оной къ богоугодному заведенію утѣшитъ меня какъ вѣрнѣйшаго изъ числа сыновъ отечества...

Прося о продолженіи благосклоннаго вашего расположенія, за честь ставлю себѣ пребывать навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшей преданностью вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Н. Кутлубицкій⁴.

(Сообщилъ И. А. Бронскій).

*) Аракчеевъ командовалъ въ 1793 году Гатчинской артиллеріей Павла Петровича, когда Кутлубицкій былъ ея адъютантомъ; въ 1799 г. Аракчеевъ былъ генераль-инспекторъ артиллеріи, а Кутлубицкій шефомъ гвардейской артиллеріи.